

Закончив принимать ванну, Эстим бережно высушил заклинанием шерсть и гриву. Он распахнул шторы магией: белые стены и пол комнаты залил свет раннего утра. Раскрыв гардероб, генерал подошёл к зеркалу, занимавшему бóльшую часть одной из стен, и осмотрел себя. Вдоль тёмно-красной гривы жеребца по велению его магии заскользили несколько разных щёток и расчёсок. Они уложили его гриву волной, спадавшей на правую сторону и разделявшейся книзу на несколько кудрявых локонов. Повинуясь магии, к нему подплыла составная сбруя. Эстим продел ноги в специальные петли и стал туго затягивать ремни, пропущенные через металлические кольца, пока сбруя не села достаточно плотно. Затем он закрепил на шее воротник, на обоих концах которого было вышито по пять жёлтых солнц, вписанных в белые круги, — символ его звания. Последними с прикроватного столика прилетели четырнадцать фрагментов из зачарованного платино-иридия и заняли свои места в специальных кармашках сбруи.

Одевшись, он достал карманные часы и посмотрел время: семь пятьдесят семь. До завтрака оставалось три минуты. Он взглянул напоследок в отражение своих ярко-голубых глаз и, покинув шикарные покои, вышел в устланный роскошными коврами коридор Кантерлотского замка. Там его ожидал помощник.

Эстим на ходу отрывисто кивнул зелёному пони и поприветствовал его:

— Доброе утро, кадет.

Дальше по коридору они пошли вместе.

— Доброе утро, сэр, — сказал тот. — Я подготовил разведывательную сводку, которую вы просили. По повстанцам из внешнего города.

Эстим открыл дверь, и они вышли на улицу. Он вдохнул чуть глубже и улыбнулся, наслаждаясь бодрящей свежестью утреннего воздуха. В Кантерлоте начинался погожий денек, и, несмотря на ранний час, было уже тепло.

— Быстрее, чем я ожидал, — заметил он, спускаясь по лестнице в дворцовые сады. — Я непременно выслушаю её. Но, к сожалению, через две минуты я обязан быть в саду скульптур, на завтраке с принцем Блюбладом. Надеюсь, всё готово?

— Разумеется, сэр. Повара были слегка... ошарашены вашим своеобразным заказом, но я всё уладил. Как, по-вашему,отреагирует принц?

Они обогнули угол Кантерлотского лабиринта и вышли к небольшому столику, рядом с которым стояло несколько слуг.

— Я знал, что могу на вас положиться, кадет. Вы продолжаете проявлять себя с лучших сторон. А что же до реакции принца... — Эстим на секунду задумался над вопросом помощника. — Надеюсь, онотреагирует в точности так, как я ему скажу.

Кадет слегка кивнул, учтиво принимая комплимент. Затем Эстим сел за стол, а прислуга стала заниматься сервировкой. Когда они закончили, он отпустил их и снова взглянул на часы. Восемь ноль одна. Блюблад опаздывал. Эстим повернулся к кадету, который стоял неподалёку и ждал.

— Похоже, — сказал он громко, — наш Принц немного опаздывает.

— Принц Блюблад пользуется в обществе сомнительной славой, сэр, — ответил кадет, подойдя к столу. — Говорят, что ему нет никакого дела до управления страной и что большую часть своего времени он посвящает кобылкам.

— Его репутация мне прекрасно известна, кадет. Потому я его и выбрал, — Эстим накрыл тарелки крышками, чтобы еда не остыла и, посмотрев по сторонам, раздражённо вздохнул. — Хотя его медлительность довольно-таки... *чрезмерна*. Можете пока начать доклад.

— Да, сэр, — кадет вытянулся по струнке и начал: — Как вы знаете, около месяца назад, когда Нихилус Никс Нот была уничтожена Луной и её элитным отрядом, внешний город был отделён от внутреннего магическим барьером Эмпириана. Таким же щитом от внутреннего города был отделен и дворец.

Эстиму всё это было известно, но тем не менее он не стал прерывать помощника.

— Пройти через него можно только в сопровождении единорога, которому известно определённое заклинание. Таким образом, повстанцы

внутреннего города оказались полностью отрезаны и от дворца, и от внешнего мира. В итоге им по большей части пришлось уйти в подполье, и их поимка — вопрос времени.

Эстим терпеть не мог щит Эмпириана. Из-за него они казались слабыми. Принц, будучи вторым по мощи существом в мире, спрятался от врагов, боясь, что его уничтожат как Найтмэр Мун. Никому не было доподлинно известно, *как именно* удалось победить Найтмэр, но Эстим считал, что в этой истории что-то не так. Шесть обычных пони не могли победить аликорна с тысячелетней мощью в честном бою.

Кадет продолжал:

— Между тем во *внешнем* городе повстанцы вызывают серьёзные... беспорядки. Сначала мы полагали, что это магически одарённым единорогам из внутреннего города удалось как-то прорваться через щит, но, как оказалось, ситуация гораздо хуже. Разведданные подтверждают, что за бóльшую часть ущерба, причинённого повстанцами в течение последних двух недель, ответственные пять пони, победившие Нихилус. Можно уверенно утверждать, что ими руководит Луна.

— *Принцесса* Луна, кадет, — напомнил Эстим. — Титул очень важен.

— Разумеется, сэр, прошу прощения.

— Итак, — сказал Эстим, — что же нам известно об этой Пятёрке? Расскажите мне всё.

Кадет начал перечислять повстанцев по памяти.

— Эпплджек, сильная земная пони. Вдобавок к чрезвычайной силе и выносливости она, как мы полагаем, способна по своей воле заживлять раны. Шесть дней назад во время боя с марионеткой-единорогом она разрушила двухэтажное здание. Она носит...

— Про Эпплджек достаточно, я думаю, — перебил его Эстим. — Переходите к следующей из группы Луны.

Кадет кивнул.

— Флаттершай, — продолжил он. — Пегас, но, по нашим наблюдениям, она редко поднимается в небо и почти не участвует в операциях. Из этого мы можем предположить, что она скорее их командир или верховный советник принцессы Луны, нежели солдат. Мы...

— Тогда Флаттершай просто опустим. Дальше.

Снова кивок.

— Пинки Пай, — сказал кадет. Было прекрасно видно, что он практически слово в слово цитирует доклад, даже не заглядывая в него. — Земная пони, которая, похоже, обучена некоему боевому искусству. В бою пользуется различными приспособлениями, как например: крюки, дымовые гранаты и даже хлопушки и конфетти. Мы не можем точно сказать, какую роль она выполняет в их группе, но...

— Дальше.

Кадет, казалось, на мгновение растерялся, но всё равно продолжил.

— Рэйнбоу Дэш. Пегас. По-видимому, является главной воздушной силой группы. Несмотря на то, что воздушное пространство над Кантерлотом обычно закрыто для повстанцев из-за большого числа патрульных пегасов-марионеток, она одерживает превосходство в воздухе, в одиночку уничтожая наши отряды. Она демонстрирует мастерское владение копытопашным боем...

— Дальше.

— Рэрити, — сказал наконец кадет. — Единорог, обладающая интересными способностями. Она может формировать фехтомагический клинок из зачарованных алмазов и хорошо управляется с ним в бою. Разведка показывает, что она уничтожила больше наших марионеток, чем любой другой член их группы, отчасти благодаря особенностям её оружия.

— Тут подробнее.

— Рэрити, по-видимому, любит появляться на публике, поэтому мы располагаем большим количеством информации, с которой можно работать. Её клинок состоит из четырнадцати фрагментов, что говорит о высоком уровне её ментальных способностей. До того, как Нихилус уничтожила её дом, она работала дизайнером одежды и управляла собственным магазином.

— Дизайнером, говорите? Какая у неё метка?

— Три драгоценных камня, сэр.

— Ну разумеется, — тихо произнёс Эстим. Он поднял глаза и посмотрел на белого жеребца, который сонно ковылял по дворцовым ступеням. Его грива была включена, а шерсть нечёсана. Эстим сомневался,

что принц хотя бы помылся. Он вновь посмотрел на часы. Они сообщили ему, что Блюблад опоздал на восемь минут.

— Принц Блюблад, — Эстим вежливо кивнул своему неряшливому гостю. — Я рад, что у вас получилось прийти. Прошу вас, садитесь, — он указал на противоположную часть стола и снял крышки с тарелок.

Блюблад сел напротив Эстима и посмотрел в свою тарелку. Он не поприветствовал генерала в ответ, а только промычал что-то в отвращении, потому что согласно приказу Эстима перед ним вместо нормального завтрака оказались измельчённые насекомые.

— Что... это *такое*!? — он оттолкнул от себя тарелку. — Это сгодится для *солдата*, но мои благородные губы ни за что не коснутся этой *плебейской* еды. — Блюблад смотрел на Эстима и, очевидно, ждал ответа.

Эстим никак не отреагировал на возмущение принца. Он просто поднял магией свои столовые приборы и съел один из стручков лежавшей перед ним жареной спаржи. Избалованный принц не унимался.

— Варёные овощи, свежавыжатый сок! А *это* что такое? — сказал он, приподняв магией непонятный серый шматок перед своим лицом.

Эстим заговорил только после того, как тщательно прожевал и проглотил спаржу. Этого требовал этикет.

— Если вы не знаете, что это такое, — сказал он, — то с чего решили, что это не годится для принца? Это моя любимая закуска, — он отрезал небольшой кусочек от своего серого шматка и положил в рот.

— Я уйду, — важно объявил принц. — Если мне пришлось встать на три часа раньше ради *этого*, то, должен сказать, я разочарован.

Он встал и собрался уходить.

— Вы не так меня поняли, Ваше Высочество. Я пригласил вас на завтрак не затем, чтобы вы могли *поесть*. У меня для вас предложение, — Эстим отправил в рот ещё один серый кусочек. — Прошу вас, сядьте, — сказал он, никак не показав, что оскорблён полным отсутствием манер у Блюблада.

Неизвестно, что именно так повлияло на принца: отсутствие реакции на его вызывающее поведение или то, что генерал не стал потакать его капризам — но Блюблад явно был заинтригован и снова сел к столу.

— Только говорите быстро, — сказал он с презрением. — У меня есть занятия поинтереснее.

Эстим едва не рассмеялся. Он знал, что после этого разговора Блюблад первым делом вернётся в кровать и проспит до обеда. Прожевав очередную порцию своего лакомства, генерал заговорил:

— Примерно через неделю я выйду за барьер, чтобы самолично разобраться с повстанцами. Я собирался заняться этим с самого начала, но поднятие щита помешало моим планам. Он удерживает мятежников подальше от нас, но в то же время сильно затрудняет сообщение с нашими силами по ту сторону. Мы ожидали, что барьер сделает моё присутствие там излишним, однако с некоторых пор конфликт во внешнем городе стал нарастать. Поэтому я возглавлю атаку.

Было видно, что Блюблад слушал Эстима с раздражённым нетерпением.

— Да, да, ну а *я-то* здесь причём? — спросил он.

Эстим отправил в рот ещё один кусочек своего завтрака и стал неспешно его пережёвывать, наслаждаясь вкусом еды и раздражением на лице принца.

— Благородные особы из дворца имеют немалый вес в городе. Из их родов также вышло много одарённых единорогов.

— Таких, как я, — сказал Блюблад, выпятив грудь.

— Разумеется, — сказал Эстим, не давая волю своим эмоциям. — Многие из них примкнули к повстанцам, когда стало известно о возвращении короля Титана. И мы полагаем, что ещё многие присоединились бы к ним, если бы не барьер, который отделяет их от основной группы мятежников во внутреннем городе. Необходимо, чтобы во время моего отсутствия здесь сохранился порядок, но нельзя доверить следить за порядком кому попало. Это должен быть пони с определёнными способностями. И было бы хорошо, если бы он был благородных кровей, чтобы не нарушался статус-кво.

Блюблад выглядел озадаченным. Он, конечно, был глуп и эгоистичен, но Эстим подозревал, что даже ему должно было быть ясно, что он не владеет нужными для такого дела качествами.

— И вы, естественно, пришли ко мне. Ведь *вы* не благородных кровей, — попрекнул генерала Блюблад.

Эстим едва смог сдержать удивление. Ему было трудно в это поверить. Не мог же Блюблад всерьёз считать, что кто-то сочтёт его на что-то годным? Эстим и сам был изрядно самовлюблён, он понимал это — в конце концов, это же он попросил у Титана вечной молодости двадцатидвухлетнего. Однако, это Блюблада, похоже, раздулось до таких нелепых размеров, что ослеплённый им принц просто не замечал собственной никчёмности.

Он идеально подойдёт.

Тёплое солнце поднималось выше в небеса, кругом зеленела прекрасная трава, на столе был хорошо приготовленный завтрак — утро было изумительным. Эстим почувствовал, что ему хочется преподать принцу урок. Ему уже давно не доводилось наставлять пони, а кадет так хорошо справлялся со своей работой, что его едва ли нужно было ещё чему-то учить.

Прожевав пищу и утерев губы салфеткой, он снова обратил своё внимание на принца и сказал:

— И всё-таки я Сэр Генерал Эстим, Рыцарь Естественного Порядка, высокий прелат короля Титана, спаситель рода пони и правое копыто принца Эмпириана. Деснице бога вполне по статусу управлять дворцом.

Пока Эстим говорил, Блюблад хмурил брови. Ему не шло это выражение. Эстиму стало любопытно, действительно ли Блюблад для разнообразия *думал*.

— Мне казалось, что это Твайлайт — правое копыто Эмпириана, — сказал принц спустя некоторое время с видом неподдельного замешательства.

Эстим демонстративно кашлянул.

— *Принца* Эмпириана. Титул очень важен, — поправил он, оставив без внимания тот факт, что Блюблад ни разу за это утро не обратился к нему по званию. — В любом случае, единственной пони, кроме меня, кто служила непосредственно Принцу Эмпириану, была не Твайлайт Спаркл, а скорее Нихилус Никс Нот — её противоположность, созданная Осколком Тьмы и имевшая своей целью уничтожить пони, которые сейчас путаются у меня под ногами.

Эстим с некоторым наслаждением понаблюдав за растерянным лицом Блюблада и продолжил:

— Её провал трудно назвать неожиданным. Она была законченной психопаткой, пустой тратой сил и пожалованных ей привилегий. Абсолютно жалкая и бесполезная, — оскорбление не дошло до непонятливого принца. — Радуйтесь, что она была *не* Твайлайт Спаркл: ученицей Селестии, лидером её элитного отряда, несомненно отличным тактиком, могущественным боевым единорогом и, вдобавок, новым эталон шкалы Корускар.

Блюблад запутался окончательно и бесповоротно.

— Могу я спросить, Ваше Высочество, — продолжал Эстим, — откуда вам известно имя Твайлайт Спаркл?

Блюблад, казалось, снова задумался, и Эстим с удовольствием съел очередную порцию завтрака, запив её соком. Наконец, принц сказал:

— Селестия велела мне держаться подальше от неё и её подруг, после того как одна из них *унизила* меня на прошлогоднем Гала. Я пытался разыскать её, чтобы научить, как полагается вести себя с более достойными, но Селестия приказала мне прекратить.

Эстим вздохнул.

— *Принцесса* Сел... — он оборвался на полуслове, когда вдруг понял значимость сказанных Блюбладом слов. — Одна из её подруг? Как её звали?

Блюблад вновь задумался.

— Рэрити, — сказал он наконец.

Эстим провёл языком по своим передним зубам. Они, как и некоторые другие его зубы, были магически превращены в резцы.

— Неужели? — сказал он, поднося ко рту вилку. Эстим старался не выдать своей заинтересованности. — Расскажите подробнее.

Принц не стал протестовать, но по его виду было заметно, что вопрос его озадачил. Эстим рассчитывал на его любовь к звуку собственного голоса, и Блюблад, не обманув ожиданий генерала, начал рассказывать:

— Ну-у, — начал он, — Это было на Гранд Галопинг Гала. Я... скажем так... в качестве *разминки* покувыркался с одной красногривой земной пони. Эта клуша думала, что я действительно собираюсь пойти на

Гала с какой-то *чернью* вроде неё. А когда я выходил из сада, то увидел эту единорожку.

— Не знаю, как там по этой вашей шкале Корускар, а вот по *шкале Крупов* она была идеальна, если вы *понимаете, о чём я*.

Эстим понимал. Утончённым принца нельзя было назвать ни в каком смысле.

— Я *должен был* её заполучить. Она была просто *великолепна*, и по ней с первого взгляда было видно, что это её первый Гала. Я решил, что это будет *легко*.

*Карсомир*¹. Клинок Эстима назывался *Карсомир*. В его сознании все четырнадцать острых как бритва платино-иридиевых фрагментов уже вонзились в тело принца.

— Представьте, каково же было моё удивление, когда она оказалась самой *неотёсанной*, самой *вульгарной* кобылой из всех, каких я только встречал. Мне пришлось *напоминать* ей, чтобы она оплачивала наши закуски и открывала передо мной дверь. Как будто я когда-то за что-то платил! Она ждала, что я пройду по луже, когда на ней был прекрасный непромокаемый плащ, — принц ухмыльнулся. — Впрочем, я поставил её на место. В конце вечера я толкнул её под падающий торт, и это испортило весь её туалет. Чтобы знала, как корчить из себя леди. *Плебейка!* — последнее слово принц произнёс с глубочайшим отвращением.

Эстим снова провёл языком по своим резцам.

— Но потом, — продолжал Блюблад, — она стала *отряхиваться*, и всё полетело на меня. Будто собака, честное слово, — сказал он. — Если ей угодно быть собакой или, вернее сказать, *сукой*, она могла бы сообщить об этом сразу. Я бы *с радостью* её покрыв, — он сально улыбнулся. — Вы же понимаете, что я имею в виду?

Несколько секунд Эстим сидел молча и тактично дожёвывал свою еду.

Потом он рассмеялся.

Его смех был глубоким, раскатистым и неподдельно радостным. Он оглянулся на кадета, махнул ему копытом, и тот тоже начал негромко посмеиваться. Блюблад казался слегка смущённым этой неожиданной вспышкой веселья, но всё же присоединился к ней, хотя и не понимал, что

¹ [Легендарный меч](#) из вселенной “Dungeons & Dragons”

такого остроумного он сказал. Какое-то время в саду раздавался только хохот троих жеребцов.

— Ох, — сказал Эстим сквозь смех. — Я понимаю, что вы имеете в виду.

Он перестал смеяться, и выражение его лица мгновенно стало каменным.

— Вы имеете в виду, — грозно произнёс Эстим, — что пытались *затащить в постель* мою дочь.

Его тон был так серьёзен, что Блюблад тут же прекратил хихикать.

Принц снова нахмурил брови от напряжения мысли. Он смотрел на Эстима и, по-видимому, впервые до конца понял, кто этот единорог, к которому ещё даже до начала завтрака он демонстрировал всяческое неуважение.

Его безупречно белая шерсть.

Его идеально уложенная слегка волнистая грива.

Его глубокие, ясные голубые глаза.

Блюблад подался назад от отца Рэрити.

— Не может быть! — сказал он недоверчиво. — Вы такой...

Быстрее, чем Блюблад успел закрыть рот, Эстим усилием воли отстегнул острый фрагмент *Карсомира* от сбруи. Небольшой кусок неестественно яркого металла пронёсся между ними, сверкнул на утреннем солнце и устремился в открытый рот Блюблада. Там он моментально остановился, не успев причинить принцу никакого вреда.

Эстим выбрал этот фрагмент из-за его небольшого размера: ему было нужно, чтобы тот мог поместиться во рту принца достаточно свободно. Про себя он с горечью подумал, что его гость скорее всего не понимал, как невероятно сложна и точна была эта атака. Он только что продемонстрировал легендарное мастерство владения своим оружием, а кроме кадета рядом не было никого, кто мог бы это оценить.

Рот принца сомкнулся вокруг фрагмента, и Эстим повернул его так, чтобы Блюблад не смог его достать. Глаза Блюблада расширились от ужаса, и он тяжело задышал через ноздри. Эстим мягко потянул фрагмент к

себе, и Блюбладу пришлось последовать за ним, потому что иначе острый металл проделал бы себе путь сквозь его морду.

— Молодой? — закончил за принца Эстим. Он улыбался, и в его улыбке не было поддельной весёлости, как в прошлом смехе, и это не была улыбка вежливости. Это скорее была широкая вальяжная ухмылка, напоминавшая оскал. Его верхняя губа слегка касалась заострённых нижних зубов. Блюблад жалобно заскулил.

— Вам *придётся* извинить меня, *принц* Блюблад, за это несколько драматичное нападение. Я просто хотел, чтобы вы ненадолго заткнулись, пока я говорю, — он потянул фрагмент к земле, в результате чего Блюблад согнулся перед ним в поклоне. — Ах, — сказал он, — я вижу, вы вспомнили о *манерах*. С вашей стороны очень учтиво поклониться тому, кто превосходит вас, *принц*.

Прежде чем продолжить, он снова притронулся к своему завтраку. Кадет заново наполнил опустевший бокал апельсиновым соком.

— Видите ли, мы с дочерью не видели друг друга уже почти десять лет. Селестия лично запретила мне встречаться с ней, когда узнала, как я решил её воспитывать. Она посчитала, что у неё больше прав решать, как должна расти моя родная дочь. Догадываюсь, что мои методы напомнили ей о том, как её воспитывал собственный отец, король Титан, — он сделал глоток апельсинового сока. Напиток из цитруса отчего-то показался ему более... *свежим*, чем раньше. — Запретить мне встречаться с моей *родной дочерью*, — сказал он. — Это не очень честно, не так ли, *принц* Блюблад?

Он подвигал фрагмент клинка влево-вправо, и склонившийся у его ног Блюблад покачал головой. По лицу принца катились слёзы, и тоненькая струйка крови бежала из уголка его рта. Блюблад безуспешно пытался не дрожать.

— Как бы то ни было, — продолжал Эстим, — я думаю, что хорошо воспитал свою дочь. Понимаете ли, я учил её *защищать* себя. Вместо того чтобы защищать Рэрити от мира, я научил её защищаться *самой*. И посмотрите на её дела. Она помогла победить Найтмэр Мун. Она помогла победить Дискорда. Она помогла победить Нихилус. Она защитила себя от *вас*, когда меня не было рядом, чтобы заступиться за неё.

Он сдвинул стол в сторону телекинезом, очистив отделявшее его от принца пространство. Затем с помощью фрагмента *Карсомира* он приподнял голову Блюблада.

— Я сделал её *сильной*, — он глубоко вдохнул и закрыл глаза. — Я сделал её *могущественной*, — он слегка встрепенулся, произнося своё любимое слово. — И тем не менее, — сказал он, презрительно глядя на принца, — я не исполнил многих отцовских обязанностей, — Принц Блюблад смотрел на Эстима умоляющим взглядом. Эстим отвернулся и посмотрел в сторону города. — Рэрити вернётся в мой дом, — сказал он мягко и снова повернулся к единорогу.

— И раз она такая примерная дочь, я чувствую, что должен сделать всё возможное, чтобы стать ей лучшим отцом, — он наклонился к Блюбладу. Лицо принца было мокрым от пота, а неконтролируемая дрожь помогала фрагменту во рту резать его ещё больше. Через магическую связь с частью своего клинка Эстим чувствовал сочившуюся из этих порезов кровь. Он почти ощущал её вкус.

— Так что вы сказали о моей дочери? Что хотели залезть на неё, как на *деревенскую суку*, которой она и является?

Блюблад попытался заговорить, но сегмент помешал ему раскрыть рот, поранив глотку, и попытка принца окончилась отчаянным сдавленным стоном. Эстим встал и выпрямился.

— Я даже не знаю, какое наказание подобает за такое.

Он снял с перевязи крайний слева фрагмент — мост. Когда *Карсомир* был собран, мост служил лишь для того, чтобы объединять острие, сердечник, кромки лезвия и формировать кровосток. Но несмотря на своё назначение, эта часть меча тоже имела чрезвычайно острую кромку и концы, чтобы её можно было использовать как самостоятельное оружие. Мост был самым длинным и тонким из сегментов, и Эстим выбрал его именно поэтому.

Он приподнял остриё так, чтобы Блюбладу пришлось слегка наклонить голову, и медленно поднёс к лицу принца этот фрагмент клинка, нацелив один из его острых концов точно в зрачок.

— Я мог бы выколоть вам один глаз, — сказал он задумчиво. Блюблад отодвинул голову настолько, насколько ему это позволило впившееся в рот остриё. Струйка крови, стекавшая по его подбородку, стала толще.

— Да, — продолжал рассуждать Эстим, будто вёл непринуждённую беседу за завтраком. — Мне нравится идея лишить вас какой-нибудь части тела. Это заставит остальных знать задуматься, прежде чем они решатся выступить против меня — как многие это уже сделали. Но будет ли

достаточно одного лишь глаза? Интересно, чего бы хотела Рэрители? Вы знаете её лучше, чем я, Принц Блюблад, так скажите мне: забрала бы моя дочь у вас что-нибудь кроме глаза?

Блюблад не мог пошевелить головой, острый кусок металла позволил ему мотнуть ей только на миллиметр. Эстим подвигал остриём вверх-вниз, и по лицу вынужденного кивать Блюблада с новой силой потекли слезы.

— Я высоко ценю вашу честность, Ваше Высочество. Окажись я на вашем месте, я бы солгал. Особенно учитывая, что на кону стоит физическая красота. Ну что ж, — он вздохнул, а Блюблад издал ещё один жалобный стон. — Думаю, я мог бы рассечь вам язык, — он потёр копытом подбородок. — Или отрезать уши, или выжечь гриву. Хотя самой подходящей к вашему оскорблению кажется *кастрация*.

Блюблад побледнел, его затрясло. Он жалобно заржал, и из его рта вылилось ещё немного крови.

— Сидите смирно, — сказал вдруг Эстим. — Откройте рот, но молчите.

Он провернул остриё, и Блюблад сделал, как ему было велено. Генерал достал испачканный в крови и слюне фрагмент меча изо рта принца, после чего тот мгновенной бросился бежать.

Эстим убрал на место части Карсомира, схватил принца телекинезом и потащил его обратно, одновременно возвращая стол на место. Генерал резко повернул голову Блюблада, чтобы тот посмотрел на него.

— Каким тупым конём надо быть, — произнёс Эстим, повысив голос, — чтобы повернуться спиной к противнику и при этом не использовать заклинание, чтобы защитить себя от телекинеза, — он отпил апельсинового сока, прекрасно зная, что Блюблад задыхается в железной хватке его магии. — Когда я отпущу вас, вы не сдвинетесь с места и будете вести себя тихо.

Блюблад не попытался убежать или сказать хоть слово.

— Ну вот, даже такого непрошибаемого типа, как *вы*, можно научить, — холодно заметил Эстим. — А теперь сядьте и ешьте свой завтрак, пока я объясню самое *главное*.

Блюблад тяжело дышал и всё ещё трясся. Его морда вокруг рта была испачкана в крови, слезах и слюне. Один бок принца, тот которым он

волочился по земле, когда Эстим тащил его обратно, был в грязи. Он сел и, не глядя Эстиму в глаза, стал пережёвывать свою спаржу.

— Вы, похоже, привыкли считать, Блюблад, что королевская кровь делает вас особенным. Что по одному только праву рождения вы наделёны набором привилегий и властью. Это не так, — Блюблад всё так же механически жевал, не поднимая глаз от тарелки, а Эстим тем временем продолжал: — Вы думаете, я стал десницей Эмпириана *по праву рождения*? Считаете, что король Титан наделён властью править миром просто потому, что он *король*? Всё как раз наоборот. Король Титан имеет власть над миром, и *именно поэтому* он король. Он король *потому*, что не знает себе равных. Наши привилегии происходят из нашей *силы*, принц.

— Знать считает иначе. Они ещё могут вынести *генерала*, который ведёт себя, как благородный, и знает этикет. Но если я объявлю, что дворец останется под управлением *кадета*, волнения только усилятся. Это пустяковая проблема, которой есть простое решение. На время своего отсутствия я передам дворец под ваше управление. Но вы будете только номинальным руководителем. За тем, чтобы дела шли гладко, вместо меня будет следить кадет.

— Я выбрал вас за вашу никчёмность и некомпетентность. Если даже у вас когда-нибудь хватит отваги, чтобы использовать новообретённые полномочия против меня, вы не сможете. Вы просто слишком тупы. Поэтому вы будете делать в точности то, что скажет кадет, и знать не станет вам перечить. Вы поняли меня?

Всё ещё дрожащий Блюблад кивнул. Эстим посмотрел в его тарелку: она была почти пустой, на ней остался только непонятный серый шматок.

— Это куриная грудка, — просто сказал Эстим.

Блюблад уставился на него с выражением абсолютного ужаса.

— Я решил, что это хорошо подчеркнёт обе мысли, которые я хочу донести. Мне нужна была абсолютная уверенность, что я буду понят, а у вас слава туповатого жеребца, *Ваше Высочество*, — Эстим наклонился к принцу и снова улыбнулся. — Я могу — стоит мне только захотеть — убить и *съесть* любое животное. Я делаю это не ради забавы и не потому, что мне нравится вкус мяса. Я делаю это, потому что могу. Ничто не даёт такого чувства превосходства, как поедание мяса, Ваше Высочество.

— Нет ничего *плохого* в том, чтобы есть мясо, равно как и ничего *хорошего*. Вы думаете, что нормы морали определены старыми правилами Селестии? Селестия мертва. Теперь *Титан* решает, что хорошо, а что

плохо, и он решает это не потому, что родился с этим правом, а потому, что в мире нет силы, способной ему перечить. Высшее право, единственное *подлинное* право — это право сильного. Это первый урок.

— Второй урок сам собой проистекает из первого: я сильнее вас, а значит, имею над вами власть. Когда я вернусь из боя, омыв *Карсомир* в крови моих врагов, я буду решать, отменять ваше наказание или нет, исходя из вашей полезности. Это означает, что вы будете исполнять всё, что прикажет кадет или я. Если ему потребуется, вы будете кивать так же охотно, как если бы у вас во рту всё ещё было остриё моего меча. И для начала вы съедите свою курицу, — закончил Эстим, выжидающе глядя на гостя.

Блюблад вздрогнул и медленно отрезал кусочек мяса. Он поморщился, когда курятина коснулась его раненого языка, затем прожевал и тяжело её проглотил.

— Как на вкус? — спросил Эстим, вновь улыбнувшись.

Блюблад выглядел так, будто с трудом сдерживал рвотные позывы.

— Превосходно, — выговорил он сиплым голосом.

— Я рад, что мы пришли к взаимопониманию, — Эстим встал и повернулся к кадету. — Убедитесь, что наш принц доест свой завтрак.

— Да, сэр, — кивнул кадет.

— Если повезёт, вы сможете доказать, что достойны остаться в генофонде пони, — сказал Эстим, повернувшись в сторону лестницы, ведущей обратно ко дворцу. — И мне не придётся исключать вас из него силой. Приятного утра, Ваше Высочество.

Насладившись отличным завтраком, Эстим направился в тронный зал Эмпириана. Генерал выглядел безупречно.

У двустворчатых дверей Зала Солнца Эстима встретила необычно самостоятельная марионетка-единорог. Оставив вторую марионетку

охранять вход, она подошла и обратилась к нему пустым металлическим, как у всех солдат Терры, голосом.

— Генерал Эстим, — сказала она, — меня зовут Марионетка. Я здесь, чтобы по приказу Короля Титана сопровождать вас в Зал Солнца.

— Понимаю, — сказал он, смерив марионетку оценивающим взглядом. — Король будет говорить со своим сыном?

— Да.

Эстим вскинул бровь. Это утро определённо намеревалось стать интересным. Он раскрыл двери, и они с Марионеткой без лишних церемоний вошли в зал.

Принц Эмпириан не очень походил на божество, которое управляло солнцем до него. Его шерсть, как и у Селестии, тоже была белой, а грива так же представляла из себя развевающееся многоцветное облако энергии. Он носил на себе те же регалии, и его голову тоже венчала небольшая золотая корона. Однако в сравнении с величавой статной Селестией и её манерами, Эмпириан казался просто капризным жеребёнком. Вместо того, чтобы величаво восседать на троне, он со скучающим видом лежал, вальяжно развалившись на подушке в центре зала.

Поскольку гражданам вход во дворец перекрывал щит Эмпириана, из пони в зале находились только несколько представителей знати. Их было около дюжины, и все они, без сомнения, крутились вокруг принца в надежде ухватиться за власть.

Двери позади генерала громко закрылись. В зале разом смолкли все разговоры, и каждый пони повернулся к Эстиму. Он обвёл придворных полным презрения взглядом.

— Убирайтесь отсюда, — сказал он притихшим снобам.

Большую часть времени Эмпириан проводил, общаясь со знатью и пытаясь освоить свои божественные силы, поэтому дворцом уже больше месяца по большей части управлял Эстим. Он не был груб или жесток, но старался внушать страх, и потому в зале не оказалось пони, которым не было бы известно, кто он такой. Через своих подчинённых он слышал, какие слухи о нём ходят.

Эстим убил Твайлайт Спаркл, любимую ученицу Селестии. Эстим был тем, кто освободил Титана. Эстим ест мясо. Эстим ест мясо пони. В ночь, когда вернулся Титан, Эстим в одиночку убил сорок пони и

слизывал их кровь со своего клинка. Эстиму сорок лет, но он почему-то выглядит на двадцать. Эстим в девять лет убил грифона.

Все это было правдой в той или иной степени, и Эстим, глядя на стоявших в центре Зала Солнца дворян, видел их сомнения и знал, что они прокручивают в голове эти слухи. Эмпириан молчал, и придворные пони, негромко прошаркав к одной из боковых дверей, вышли.

Только когда они покинули зал, Эстим опустил голову и согнул передние ноги, кланяясь своему Принцу. Хотя это были только движения: Эстим не питал к отпрыску Титана ни уважения, ни любви.

— Ну зачем вы их прогнали? — простонал Эмпириан подошедшему Эстиму. — Лорд Голдворти² рассказывал мне *историю*. Она была о *глупенькой кобылке*, которая...

— Сегодня после обеда я покину дворец, Ваше Высочество, — просто сказал Эстим.

Услышав это, Эмпириан выпучил глаза и разинул рот.

— Вам *нельзя!* — сказал он. — Что, если *они* придут за мной?

Эстиму захотелось сплюнуть на пол, но он сдержался.

— Мой принц, Луна и Пятёрка находятся за двумя непреодолимыми щитами. Здесь, во дворце, вас охраняет почти *половина* всех имеющихся у нас марионеток. И у вас больше силы, чем у всех них вместе взятых.

— Вы не можете знать это наверняка! — истерично вскрикнул Эмпириан, приподнявшись на своей подушке. — Они победили Найтмэр Мун, а она была сильнее Сел... — он оборвался на середине её имени, сжав губы так, будто из них чуть не вырвалось богохульство. — Меня, — закончил он.

Эстим провёл языком по своим острым зубам.

— В любом случае им не добраться до вас, Ваше Высочество. Я собираюсь вступить в бой и уничтожить остатки мятежников, включая Пятёрку. Я не буду брать с собой много марионеток, на борьбу с повстанцами уже брошено больше тысячи единиц, не считая живых солдат. Я уничтожу элитный отряд Селестии, и тогда вам больше не придётся волноваться.

² Богатая Особа

— Но почему вам просто не остаться *здесь*? — Эмпириан топнул копытом, как обычно топают жеребята, которые не хотят идти спать. — Рано или поздно они все сдадутся или просто умрут от старости.

Эстиму вновь пришлось побороть в себе приступ раздражения. *“Потому что я должен воевать, так же как Король Титан должен править. В этом моё предназначение”*.

— Я не смогу долго поддерживать дворец в порядке, пока он скрыт вашим щитом. Барьер вскоре придётся снять, а вы не сделаете этого, пока мятеж не будет подавлен. Поэтому мне придётся уничтожить их лично.

Лицо Эмпириана изобразило смесь детской обиды и злости, и он встал.

— *Нет!* — сказал он, напоминая скорее закатившего истерику жеребёнка, нежели бога. — Я запрещаю вам покидать дворец! Риск для моей особы слишком велик!

Эстиму с трудом удавалось сдерживаться. Детёныш Титана, этот мелкий щенок, не мешает ему вернуть старшую дочь. Эмпириан нечасто пользовался своим положением единственного сына Титана, но Эстиму просто нужно было быть пожестче. Он стиснул зубы.

— Мой принц, в нынешнем положении, под щитом, город едва может функционировать. Если всё останется так же, Кантерлот погибнет. Народ начнёт *голодать*.

— Ну и пускай! — выкрикнул Эмпириан. — Я их *бог*, и если я повелю им, они будут голодать! Ты останешься тут, Эстим, и будешь защищать меня.

Эстим ничего не успел ответить на эту жеребяческую выходку, потому что услышал звук повалившегося на пол тела. Он повернулся и увидел, что вошедшая с ним в зал марионетка-единорог лежит на полу, а её тело яростно бьётся в каком-то припадке. Он продолжал смотреть на неё, а марионетка тем временем заговорила. Но не своим пустым голосом.

— *Я принимаю управление.*

Голос был текучим и гулким. Он проникал в самое сознание Эстима и неотвратимо требовал его внимания. Это был голос их бога.

Эстим увидел, как открылись глаза единорога: вместо красного они теперь сияли белым. Вдоль гривы марионетки пробежала рябь ослепительной, обжигающей взгляд энергии, превратив её в

развевающееся облако белого эфира. Марионетка встала и обвела двоих присутствующих мудрым бесстрастным взглядом. На её крупе призрачным светом горел простой белый круг.

Эстим уже стоял, прижав нос к полу. Этот его поклон имел мало общего с тем, как он с издёвкой кланялся Блюбладу, или с чисто формальным поклоном перед Эмпирианом. Сейчас это был жест абсолютной покорности. Титан заслуживал его уважения, и Эстим знал, что за его спиной Эмпириан стоит в точно такой же позе.

— Вы можете подняться, — спокойно сказал Титан. Он посмотрел на сына с нечитаемым выражением лица. — Если бы я был здесь в своей истинной форме, я бы причинил тебе боль, Эмпириан.

Принц вздрогнул.

— Отец, я...

Титан чуть взмахнул копытом, и Эмпириан снова вздрогнул и закрыл рот. Король продолжил:

— С момента смерти Нихилус и поднятия барьера прошёл месяц, Эмпириан. Её смерть не заботит меня — она выполнила свою задачу, когда помогла нам создать тебя. Щит меня также не заботит — ты имеешь полное право защищать себя от элитного отряда Селестии. Даже мне пока не известно, как они победили Найтмэр Мун, но со временем мы точно получим ответ.

Он медленно надвигался на принца мучительно устрашающей поступью.

— Моё недовольство вызвано тем фактом, что ты не справился со своим предназначением. Народ пони должен бояться тебя, сын. Но они сражаются с марионетками Терры на улицах Кантерлота, в твоей столице. Если ты решительно отказываешься покинуть дворец и сокрушить их, тогда ты позволишь генералу Эстиму сделать это за тебя. Я выразился ясно?

Эмпириан снова поклонился.

— Да, отец, но... — Титан снова заставил его замолчать, подняв копыто.

— Селестия мастерски справлялась с твоей задачей. Она заставила пони уважать её как правительницу и любить как принцессу. Она заставила их поверить, будто они правят сами, хотя они не переставали называть её

богиней. Она сделала своих врагов их врагами, и они благодарили её за победу над ними. Они до сих пор любят её и сопротивляются нам.

— Я не жду, что ты станешь действовать, как Селестия, сын мой, но ты будешь по меньшей мере поддерживать порядок. Хаос и раздор среди пони привлекает лишнее внимание, которое я предпочёл бы отвести от Кантерлота.

Эмпириан попятился назад, когда к нему подошла сильно уступавшая ему в росте марионетка.

— Я исправлюсь, отец, — пообещал он.

— Исправишься, — просто сказал Титан. — Сейчас я нахожусь в центре Вечнодикого Леса. Чтобы устранить ущерб, причинённый Селестией за тысячу лет, требуется больше времени, чем ожидалось. Однако вскоре естественный порядок будет восстановлен. Проследи, чтобы к этому моменту в Кантерлоте воцарился порядок. Проследи, чтобы пони были готовы принять своё место в естественном порядке. Иначе мне снова придётся приказывать Терре проредить популяцию.

Эмпириан раскрыл рот, собираясь что-то сказать, но поднятое копыто Титана вновь заставило его молчать. Этот жест удавался королю очень эффектно, заметил Эстим. Наверное, это пришло с тремя тысячами лет практики.

— Оставь нас, — произнёс Титан.

Эстим вдруг понял, что Король обратился к Эмпириану, а не к нему. Что такого его король собирался сказать, что нельзя было слышать Эмпириану? Принц возмущённо надул губы, после чего пролетел над ними и вышел через главные двери.

— Генерал, — марионетка божества повернулась к Эстиму, и он поклонился. — Вы не должны уничтожать всех повстанцев, — обыденно сказал он.

— Ваше Величество? — Эстим озадаченно вскинул брови.

— Я, безусловно, желаю, чтобы вы уничтожили оставшихся членов оперативной группы Селестии. Также вы убьёте многих их последователей и окажете помощь в поимке Луны. Но несколько предводителей повстанцев должны сбежать и продолжить сражаться. Их должно погибнуть достаточно много, чтобы Эмпириан опустил свой щит, но я хочу, чтобы в Кантерлоте постоянно находилось небольшое количество мятежников.

— Могу ли я спросить, мой король...

— Эмпириан бестолковое капризное дитя, — Титан произносил слова ровным тоном, не вкладывая в них никаких чувств. — Он ведёт себя, как испорченный жеребёнок. Ему не хватает решимости и характера правителя. Он поднимает нелепый щит вместо того, чтобы лично сокрушить силы мятежников. Он не стоит силы, которую я ему дал. Силы Селестии.

Титан повернулся и подошёл к одному из высоких окон Зала Солнца.

— Сейчас у него разум жеребёнка, но со временем он будет взрослеть. В это время в городе будут повстанцы, и я научу его, как их уничтожить. На это потребуется много лет, и род пони в это время столкнётся с трудностями.

С трудностями. Тысячи, если не десятки тысяч пони будут голодать, экономика рухнет. Эстим понимал, что Титан с радостью всё это допустит, чтобы правильно воспитать своего сына. Он и сам сделал бы то же самое для своих дочерей.

— Однако в итоге Эмпириан будет расти в военное время. Он научится держать народ пони в узде, а они научатся бояться его. Таковы их места в естественном порядке.

Эстим восхищался простотой и изяществом плана Титана. В настоящий момент большинство пони, возможно, сочувствуют повстанцам, но что будет лет через десять? Будет ли народ продолжать поддерживать повстанцев после десятилетней борьбы ради принцесс, которые очевидно никогда не вернутся? Они, вероятно, *обрадуются*, если конфликт будет окончен. Они станут боготворить Эмпирана, который прекратит войну. А Эмпириан будет расти, учась бороться с инакомыслием в своём народе.

— Прекрасное решение, Ваше Величество.

Титан не обратил на похвалу никакого внимания.

— Последнее, что я хотел вам сказать, касается Луны, Генерал. Она в городе, — обыденно произнёс он.

Эстим не имел ни малейшего представления, откуда Титан об этом узнал.

— Мы подозревали это, когда её Пятёрка стала нападать на наши силы во внешнем городе, но не были до конца уверены.

— Теперь вы уверены, Генерал. Это тело хрупкое и требует много энергии. Однако я смогу победить слабейшую из моих дочерей, не покидая Вечнодикого Леса. Когда вы засечёте Луну на поле боя, то оставите её мне. Ваша задача убить Пятёрку.

Король не оставил Эстиму шанса ответить. Он просто испарился в тёмном облаке дыма, которое оставалось после смерти марионеток. “Убить Пятёрку”, — сказал Титан.

— Всех, кроме одной, Ваше Величество.

Дорогой Дневник.

Сегодня я ходила с подругами смотреть на комету Старсвирла. Она прилетает лишь раз в тридцать четыре года. Было не так интересно, как метеоритный дождь, но нам всё равно было очень весело, пускай я и не выучила ничего нового о дружбе. Я провожу время с ними не только затем, чтобы учить уроки для принцессы. Я провожу с ними время, потому что они мои друзья.

...Вообще-то, это похоже на урок. Может, стоит написать принцессе? Но тогда она может подумать, что урок недостаточно хороший, и решит, что я несерьёзно отношусь к учёбе! Она может перестать считать меня своей самой верной ученицей! Я стану просто “ученицей” Твайлайт Спаркл. ИЛИ она вообще откажется от меня, и мне придётся заново искать себе место в жизни! Мне придётся поменять имя и скрываться! Мне придётся работать в “Пони Джо”, чтобы свести концы с концами, стать единорожкой по имени Бетти, которой приходится красить гриву, потому что на самом деле она в ИЗГНАНИИ! Но ВДРУГ она узнает, что я не послала ей письмо, и подумает, что я ДУМАЮ, что она не стоит моего времени!? Это может так её обидеть, что...

Так, я только что прочитала последний абзац вслух. Я просто расскажу ей о комете завтра. Я как раз вспомнила, что завтра буду в

Кантерлоте, чтобы провести вечер с ОБЕИМИ принцессами! Жди интересной записи!

Твайлайт Спаркл.

Твайлайт сидела за одним из массивных столов обеденного зала Кантерлота. За ней присматривали четверо стражников — все единороги. Помимо них и Спайка, крепко спавшего на столе рядом с ней, в зале никого не было. Она улыбнулась, глядя на дракончика, у рта которого образовался немаленький пузырь из слюны, и прикрыла свою тарелку, когда пузырь лопнул.

— Мне неловко, что вам четверым приходится стоять тут и смотреть, как я ем, — сказала она дворцовым стражникам. — Я хорошо ориентируюсь во дворце. Мне правда не нужны сопровождающие. Только не подумайте, что мне неприятно ваше присутствие! — поспешно добавила она. — Просто мне кажется, вам тут скучно, — она сложила четырнадцать горошин в ложку и с радостью отправила их в рот. Она не ела с самого утра.

— Предоставлять эскорт таким выдающимся пони, как вы, — *традиция*, мисс Спаркл, — буднично заметил один их стражников. — Кроме того, солдат всегда должен нести службу *с удовольствием*.

Твайлайт слегка покраснела от того, что её называли выдающейся.

— Я? — сказала она. — Я просто ученица. А вы вполне можете нести свою службу сидя. Вы, должно быть, устали так тут стоять.

Говоривший ранее стражник подошёл к ней и сел, а его сослуживцы наградили его взглядами, которые явно намекали, что он нарушил какое-то тайное правило. Твайлайт заметила, что под парадными доспехами у него находилась сложная перевязь.

— Это сбруя для клинка? — спросила она с искренним интересом, быстро проглотив горошины. — Я читала о таких! Вы фехтомаг?

— Капитан Эстим, к вашим услугам, — ответил стражник, галантно кивнув.

Твайлайт зачерпнула ложкой ещё несколько горошин. Она насчитала тринадцать, поэтому добавила к ним ещё одну, прежде чем положить их в рот. Тем временем капитан снял шлем и слегка взмахнул своей роскошной красной гривой.

Что-то в этом жесте встревожило память Твайлайт.

— Не могла ли я... видеть вас раньше? Вы кажетесь мне знакомым, — Твайлайт не могла сказать, что именно в капитане Эстиме её заинтересовало. Но что-то насчёт него не складывалось у неё в голове.

Эстим встал и отстегнул телекинезом кирасу. Обнажив его грудь, она брякнула об пол.

— Не удивлюсь, если так, — сказал он, наградив её небольшой улыбкой. — Полагаю, вы знаете мою дочь, Рэрити.

Твайлайт склонила голову набок, слегка растерявшись. Спайк по-прежнему спал рядом с ней.

— Рэрити? — сказала она. — Но её родители...

— Я ничего не знаю о паре, которая взяла их почти десять лет назад, — резко перебил её Эстим. — Но могу вас уверить, мисс Спаркл, что это я отец Рэрити и Аллюр, — он продолжал снимать свои доспехи, бесцеремонно отбрасывая их части на пол. Остальные трое стражников переглядывались.

Твайлайт внимательно всмотрелась в капитана. Он действительно был разительно похож на Рэрити.

— У Рэрити нет сестры по имени *Аллюр*, — медленно произнесла она. Капитан начал вселять в неё нехорошее чувство. Где были Селестия и Луна?

Эстим пристально на неё посмотрел.

— Но у неё ведь есть сестра, так? Единорожка, с белой шёрсткой и гривой с лавандовым и ярко-розовым?

— Свити Белль... — прошептала Твайлайт.

Эстим кивнул и бросил на пол очередную деталь доспехов.

— Так её хотела назвать мать, — произнес он как ни в чем не бывало. — До того, как я убил её.

— *Капитан!* — воскликнул один из стражей. Они двинулись в его сторону.

Беспокойство, охватившее её прежде, превратилась в настоящий страх. Твайлайт встала и попятилась назад.

— Кто вы такой?

Об пол со звоном ударилась последняя часть доспехов Эстима. На нём осталась только сбруя, в которой размещались четырнадцать сегментов неизвестного металла. *“Платино-иридий, — всплыло в сознании Твайлайт. — Единственный металл, который одновременно прочен и хорошо поддаётся чарам”*.

— Я уже ответил вам, — сказал он. — Я капитан Эстим, защитник рода пони и отец Рэрити и Свити Белль.

Трое других стражей окружили Эстима.

— Капитан, — сказал один из них. В его голосе смешались предостережение и мольба.

Эстим поднял копыто, и страж немедленно, будто по привычке, замолк.

— Я намерен навредить охраняемому лицу, солдаты, — сказал он непринуждённо. — Действуйте.

— Капитан, это какая-то проверка? Шутка? Это не...

Твайлайт в ужасе увидела, как из шеи солдата неожиданно хлынула кровь, когда часть клинка Эстима разрезала его плотку. Пройдя через плоть, оружие капитана продолжило движение и оставило в воздухе после себя след из кровавых брызг.

Прежде чем Эстим повернулся к остальным стражникам, длинный тонкий фрагмент его клинка вонзился в глаз второго единорога. Когда Эстим повернулся к последнему солдату, тело даже не успело упасть на пол.

Последний страж посмотрел на павших товарищей и поражённо уставился на своего капитана. В его глазах горела смесь гнева и ужаса, его рог засветился. Он готовил заклинание. Эстим вскинул бровь и фрагмент клинка, убивший первого стражника, ударил солдата в шею с такой

скоростью, что отбросил его в сторону. Струйка горячей крови пролилась на Твайлайт, забрызгав ей лицо и грудь.

Разум единорожки едва мог осмыслить, что происходит. Она отшатнулась от брызнувшей крови, а её ноги задрожали. Глубокий первобытный ужас поднимался где-то в глубине её живота. Она никогда прежде не видела, как умирает пони. И она определённо прежде не видела, как пони *убивает*. Она понимала, что находится в опасности, но не знала, что делать. Она тихо молила, чтобы пришла принцесса Селестия.

Эстиму потребовалось лишь несколько секунд, чтобы убить троих стражников. Твайлайт в ужасе наблюдала, как ещё тремя фрагментами он окружил Спайка, который до сих пор спал. Единорожка издала звук, похожий на что-то среднее между вскриком и писком. Капитан не обратил на неё внимания, и вместо этого наклонился к последнему стражнику, который умирал на полу и ещё хрипел, истекая кровью.

— Нет, солдат, — тихо проговорил Эстим, — это была не проверка, — он встал и посмотрел на Твайлайт. — Если ты телепортируешься или просто попытаешься воспользоваться магией, я убью твоего дракона.

Твайлайт попробовала пошевелить ногами, но они не слушались. Она смогла лишь слабо кивнуть и издала тонкий жалобный стон. *“Пожалуйста, — думала она, — Селестия”*.

— Ни один звук из этого зала не будет слышен за его пределами, — спокойно сказал Эстим. — Освободи своё тело для захвата.

Твайлайт закрыла глаза. Единороги могли двигать телекинезом всё, что угодно, включая других пони. Однако они могли перемещать только те объекты, которые не удерживались другими единорогами. Хотя хватать другого пони телекинезом в большинстве случаев считалось крайне неприличным, почти каждый единорог накладывал на себя заклинание, которое защищало его от чужого телекинеза. В конце концов, такое заклинание не требовало постоянных усилий.

— Дракон значит для меня не больше, чем эти стражники, мисс Спаркл. Решайтесь, пока я считаю до трёх. *Один*.

— Селестия, — прошептала она, — где же вы?

Эстим склонил голову набок и взглянул на неё с любопытством.

— Не рассчитывайте, что ваша богиня вас спасёт. Единственная пони, которая может вас защитить — это вы. *Два*.

Твайлайт не знала, что собирается сделать Эстим, но если бы он просто хотел её убить, то уже мог бы воспользоваться своим клинком. Спайк умрёт, если она не отдаст своё тело под полный контроль убийцы. *“Селестия, умоляю вас!”* Она посмотрела на капитана, затем на мирно сопевшего во сне Спайка.

— Она совсем на тебя не похожа, — сказала она и отменила заклинание.

В следующий же миг она оказалась на спине, прижатой к полу. Она слышала шаги, и над ней показался Эстим. Она обнаружила, что всё ещё может двигать лицом.

— Поймите, мисс Спаркл, — непринуждённо продолжил Эстим, будто они до сих пор беседовали за ужином, — в этом с моей стороны нет ничего личного. Я просто выполняю приказы. Тем не менее, — он поднёс к Твайлайт чёрный осколок, который был гораздо тоньше фрагментов его меча и слегка поблёскивал, приближаясь к единорожке, — солдату не запрещено получать *удовольствие*, выполняя приказ.

Твайлайт знала, что никто её не услышит, но всё равно закричала.

— *Селестия! Луна! Селестия!* — Эстим подносил Осколок всё ближе, направляя его в верхнюю часть лица Твайлайт. — *Мама!* — отчаянно кричала Твайлайт. — *Папа!*

Осколок замер прямо над её правым глазом, и Твайлайт в ужасе попыталась отстраниться. Эстим ухватил голову единорожки телекинезом и раскрыл ей правое веко.

— Ты убьёшь меня? — прошептала Твайлайт, когда капитан склонился над ней.

— Нет, — ответил он, покачав головой. — К сожалению, вам придётся пережить это. Прощайте, Твайлайт Спаркл.

Осколок опустился.

Дорогой Дневник Твайлайт.

Ну разве ты не милый? Может, я нашла бы способ использовать использовать эти приторные почеркушки, не будь у меня доступа ко всем воспоминаниям Твайлайт. Но он у меня есть, поэтому — нет.

Какая ЖАЛОСТЬ. Но будет весело скормить это Рэйнбоу Дэш и послушать, как кричит Твайлайт. Если судить по тому, как она забавляет меня СЕЙЧАС, её агония будет очень увлекательной. Я удивлена, что после недели со мной ты всё ещё в своём уме, детка.

Н.

Твайлайт проснулась с криком.

Она почувствовала, что на ней что-то лежит, и стала беспорядочно размахивать ногами, пытаясь сбросить с себя это нечто. Она открыла глаза, но что-то загораживало ей обзор. Единорожка замолотила передними ногами и тут поняла, что на ней лежит обыкновенное одеяло. Она приподняла его над собой и откинула в сторону.

Она не стала долго разглядывать окружавшую её комнату и немедленно скатилась с кровати. Единорожка ударилась об пол, тяжело задышала, и принялась ползти, работая задними ногами. Добравшись до книжного шкафа подле кровати, она немного передохнула и начала вертеть головой по сторонам, оглядывая обстановку. Она была одна, в библиотеке.

Одна. Волна облегчения, окатившая её при этой мысли, принесла облегчение, как после сеанса массажа. Все её мускулы расслабились, а дыхание успокоилось. Нихилус была мертва. Твайлайт снова управляла своим телом. Рэйнбоу Дэш свободна от того кошмара. Флаттершай жива. *Все её подруги живы.*

Но почему тогда их не было рядом?

Она вспомнила, как крепость стала рушиться, когда она высвободила мощь Элементов Гармонии. Если постройка рухнула, хватило ли сил у Дэш и Флаттершай, чтобы вынести их всех? Очевидно, что

Твайлайт кто-то вытащил, значит, и остальные тоже спаслись. Она не могла лежать без сознания так уж долго. Почему же рядом не было ни души?

Она закрыла глаза, и на неё обрушился шквал куда более мрачных воспоминаний. Она вспомнила, как кричала, когда Рэйнбоу Дэш, которая в агонии корчилась на полу, поглощала тёмная магия. Нихилус тогда выглядела, как Твайлайт. Она воспользовалась дружбой Дэш, чтобы погрузить пегаску в кошмар, а потом сломать её.

Она вспомнила, как разнесла на части Бутик Карусель всего лишь усилием мысли. Была ли внутри Свити Белль? Неужели Нихилус убила младшую сестру Рэрити? Она вспомнила наслаждение, которое испытывал паразит при этой мысли, а потом чистое отвращение при виде Рэрити. Всё это время Твайлайт была бессильна её остановить.

Она вспомнила, как ей пришлось смотреть в глаза Флаттершай — в её большие нежные невинные глаза — когда Нихилус приказала Рэйнбоу Дэш убить её. Твайлайт ничего не могла сделать. План, который она придумала, чтобы сохранить жизнь подругам, провалился. Если бы во Флаттершай не оказалось магии земной пони, они бы все погибли.

Нихилус было мало просто убить их. Она сделала всё, чтобы заставить их *страдать*. И всё из-за того, что они были её лучшими подругами. Из-за того, что Твайлайт не могла её остановить. Из-за того, что Твайлайт позволила Осколку осквернить себя. Стоит ли удивляться, что никто *не захотел* быть рядом с ней, когда она очнётся?

Твайлайт медленно и неуверенно встала на ноги. Она не пользовалась телом больше недели. За неё это делала Нихилус. Единорожка подвигала ногами, поочерёдно приподняв каждую, и медленно пробежалась рысью по кругу. Затем она сосредоточилась, свила свою магию в нити, соткала из них заклинание и выпустила его на свободу. Оно показало, что в ней не осталось никаких следов посторонней магии. Нихилус исчезла. Она была свободна.

Она осмотрела себя, с облегчением заметив, что шёрстка и грива снова вернули свои нормальные цвета. Наконец, она создала магией зеркало и взглянула в свои глаза. Оба они были фиолетовыми.

Она по-прежнему оставалась Элементом Магии, и это подразумевало ответственность. Она вернёт всё на свои места. Она отыщет Луну и своих подруг, вместе они спасут принцессу Селестию и одолеют короля Титана. Впервые после пробуждения она заговорила:

— Меня зовут... — слова звучали хрипло и приглушённо, и она прочистила давно не использовавшееся горло. Прежде чем закончить фразу, она взглянула в глаза своему отражению.

— *Твайлайт Спаркл.*